

Консульства Китайской Республики на Дальнем Востоке СССР и в Сибири в период «большого террора»

© 2019

Е.Г. Калкаев

В статье рассматривается положение консульств Китайской Республики в СССР в 1937–1938 гг. В период «большого террора» китайские консульства оказались в двойственном положении. С одной стороны, они являлись представительствами дружественной страны и не были закрыты, как многие другие иностранные консульства в это время. С другой стороны, НКВД обвиняло многих сотрудников в работе на японскую разведку, а действия консульств по защите граждан своей страны интерпретировались советской стороной как враждебные.

Ключевые слова: «большой террор», НКВД, «китайская операция», китайская диаспора, НКВД, консульства Китайской Республики, Советский Союз, советско-китайские отношения.

DOI: 10.31857/S013128120007509-0

«Большой террор» — пик сталинской репрессивной политики — был неотрывно связан с опасениями, которые испытывал «вождь народов» перед казавшейся почти неизбежной войной и ее возможными последствиями для «пролетарского государства». В этих обстоятельствах усилия по укреплению единой советской общности и подавление потенциальной «пятой колонны» вылились в массовые операции 1937–1938 гг., в ходе которых были уничтожены сотни тысяч человек¹.

Страхи партийной верхушки перед подрывной деятельностью недружественных государств реализовывались в виде целого комплекса мер по борьбе с потенциальными шпионами и диверсантами². При этом особо настороженное отношение вызывали иностранцы. «Установлено, что подавляющее большинство иностранцев, живущих в СССР, является организующим началом шпионажа и диверсии», — утверждалось в циркуляре НКВД от 22 августа 1937 г.³. Эта повестка поддерживалась и регулярными публикациями в прессе. Значение, которое им придавалось, хорошо видно из того факта, что в редактировании статьи «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок» принимал участие лично Сталин⁴.

Сокращение иностранных консульств в СССР

Предпринимались и активные действия против иностранных консульств. Так, целью приказа НКВД № 00698 от 28 октября 1937 г. было пресечение враждебной деятельности посольств и консульств стран, рассматриваемых в качестве основных противников СССР: Германии, Японии, Италии и Польши. Приказ предусматривал широкий спектр агентурно-оперативных мероприятий, направленных на максимальную изоляцию этих учреждений, включая усиленное наружное наблюдение, репрессии в отношении контактирующих с ними советских граждан и считающихся подозрительными иностранцев⁵.

Калкаев Евгений Геннадьевич, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН. E-mail: kalkaev@gmail.com.

В том же году начала осуществляться политика сокращения в СССР иностранного консульского присутствия. В ее основу был положен принцип консульского паритета (т.е. равного количества консульств), на котором с этого времени неуклонно настаивал Советский Союз⁶. С одной стороны, это позволяло требовать уменьшения количества консульств от тех стран, которые имели на территории Союза больше консульств, чем СССР у них. С другой — дополнительно сокращая свои консульства, СССР мог добиваться и дальнейшего уменьшения иностранной консульской сети.

В 1937 г. было принято решение о ликвидации 14 консульств (5 итальянских, 5 немецких, 2 японских и 2 польских). В начале 1938 г. процесс продолжился: во время второго этапа предстояло закрыть еще 17 представительств, среди которых, кроме оставшихся немецких, были консульства Великобритании, Чехословакии, Турции, Ирана, Афганистана, Норвегии, Швеции Эстония, Латвия, Дании, Японии⁷.

В значительной степени этот процесс происходил под лозунгом уничтожения «гнезд иностранного шпионажа». Именно так представлял иностранные консульства активно выступавший против их присутствия А.А. Жданов, избранный председателем Комиссии по иностранным делам при Верховном Совете⁸. Кроме того, во время развертывания массовых репрессий ликвидация зарубежных представительств позволяла не только лучше укрыть от чужих глаз происходящее в стране, но и лишить консульской защиты многих находящихся в СССР иностранцев⁹.

Обсуждение вопросов о ликвидации и сами ликвидации зачастую проходили в весьма напряженной атмосфере. Хотя сотрудники Наркомата иностранных дел всеми силами пытались уверить своих визави, что закрытие дипломатических представительств не направлено против соответствующих стран, представители этих государств, особенно тех, чьи подданные в большом количестве проживали в СССР, реагировали на это болезненно. Со ссылками на заключенные консульские соглашения и международное право оспаривалась и сама необходимость поддерживать консульский паритет¹⁰.

Так, резко конфронтационный характер носили закрытия консульств Японии и Германии, во время которых часто использовался самый широкий спектр давления. Одним из самых жестких эпизодов этого противостояния стало закрытие германского консульства в Киеве. В январе–феврале 1938 г. был арестован весь обслуживающий персонал представительства, работники НКВД регулярно портили звонки и замки в квартирах сотрудников, отключали электричество, телефоны, перекрывали водопровод. Несколько квартир были затоплены сточными водами через туалетные бачки. За каждым служащим было установлено навязчивое наружное наблюдение¹¹. Подобные меры предлагалось применить и при ликвидации консульств Японии¹². 1 мая 1938 г. НКВД объявил недействующими консульства в Благовещенске и Хабаровске, однако консулы и сотрудники отказались их покидать. Предполагая, что на официальное предложение о выезде не будет никакой реакции, нарком иностранных дел М.М. Литвинов предложил применить к ним «такие же средства, которые НКВД недавно применял в отношении германского консульства в Киеве и итальянского в Одессе»¹³.

На этом фоне уникальным оказалось отношение советского руководства к консульствам Китайской Республики. История советско-китайских отношений вплоть до рассматриваемого периода была полна многочисленных конфликтов. Свою роль в них сыграли и осевшая в Китае белая эмиграция, и деятельность направляемых из СССР китайских коммунистов. Нельзя обойти вниманием и противостояние на КВЖД в 1929 г., переросшее в военную операцию. Однако с развитием японской агрессии в Китае ситуация начала меняться. Китайской Республике требовалась значительная помощь в борьбе с захватчиками, а СССР меньше всего был заинтересован, чтобы Китай быстро проиграл войну. В последнем случае вероятность нападения Японии на Советский Союз возросла бы многократно. Страны начали искать точки сближения, в результате чего в 1937 г. был подписан советско-китайский договор о ненападении, и СССР начал оказывать значительную финансовую и военно-техническую поддержку сражающейся Китайской Республике¹⁴.

К 1938 г. в СССР действовало десять китайских консульских учреждений. Пять из них, в Средней Азии, были связаны с правительством практически не контролируемой центральными властями китайской провинции Синьцзян. Они находились в Казахской ССР (в Алма-Ате, Зайсане и Семипалатинске) и Узбекской ССР (в Ташкенте и Андижане) и в документах иногда назывались «западно-китайскими». Остальные пять консульств Китайской Республики находились на территории РСФСР — в Дальневосточном крае (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск), в Чите и в Новосибирске¹⁵. При этом четыре из них имели статус генеральных консульств, а дипломатическое учреждение в Чите — статус консульства.

В период массового закрытия консульских учреждений остальных государств такое количество продолжающих функционировать китайских представительств выглядело неоднозначно. Поэтому неудивительно, что в начале февраля 1938 г. Литвинов обратил на это внимание Сталина. «Мы до сих пор совершенно не касались консульских отношений с Китаем, учитывая особое положение этой страны в данное время, — отмечал нарком в своем письме. — Поскольку, однако, мы сокращаем число консульств всех стран, трудно оставить в полной неприкосновенности китайские консульства...»¹⁶. Литвинов указал, что Комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам Синьцзяна считала желательным сохранить все пять советских консульств в этой провинции, а, следовательно, исходя из принципа паритета, СССР не мог закрывать западно-китайские консульства на своей территории. Но остальные советские консульства в Китайской Республике были в зоне японской оккупации и «потому, — писал он, — мы могли бы предложить Китаю закрыть из имеющихся у него пяти консульств [...] по крайней мере два — Новосибирское и в другом пункте по его выбору»¹⁷.

Но это предложение не нашло отклика у высшего партийного руководства. Когда в конце марта 1938 г. Читинский обком поставил вопрос о закрытии в области консульств Китая и Маньчжоу-го, нарком уже изменил интонацию. Он писал Сталину: «По вопросу о сокращении числа китайских консульств в СССР я писал Вам 8 февраля с.г. № 5042. По-видимому, при нынешнем состоянии наших отношений с Китаем представляется нецелесообразным сокращать его консульства у нас»¹⁸. То есть, судя по этому тексту, одобрения своего февральского предложения Литвинов так и не дождался, справедливо интерпретировав это как сигнал о том, что общий курс СССР в отношении консульств не распространяется на находящуюся в «особом положении» Китайскую Республику.

Начало «китайской операции» НКВД и генеральное консульство Китайской Республики во Владивостоке

Специфическая роль, которую играла Китайская Республика в косвенной поддержке безопасности СССР, однако, не означала автоматического распространения дружественного духа на китайскую диаспору в Советском Союзе. Сближение двух стран происходило во время массовых репрессий 1937–1938 гг., в рамках которых внесудебные расправы затронули как сотни тысяч так называемых антисоветских элементов, так и сотни тысяч тех, кто был отнесен к «контрреволюционным национальным элементам»¹⁹.

Большинство проживающих в СССР китайцев плохо вписывались в образ идеального советского человека. Основная их часть была неквалифицированными работниками, легко меняющими сферу занятости. Многие занимались «непроизводительной» деятельностью, в том числе торговлей, нелегально прибывали в Советский Союз, были связаны с контрабандой или преступностью, в том числе и с содержанием притонов. Негативный образ дополнялся традиционной замкнутостью китайской общины и плохим владением русским языком.

Кроме того, сама принадлежность к национальным меньшинствам, если они были связаны с другим государством, к этому периоду стала одним из основных признаков потенциальной угрозы²⁰. А в случае китайцев можно было говорить и о связи с враждеб-

ными территориями, находящимися под контролем марионеточного государства Маньчжоу-го и Японии. Если прибавить к этому, что значительная часть диаспоры проживала в Дальневосточном регионе вблизи границы²¹, то совокупность этих факторов делала китайцев почти идеальной мишенью репрессивной операции в отношении конкретно взятой национальности.

Впрочем, широкомасштабные аресты китайцев на Дальнем Востоке в конце 1937 г. не сразу были вписаны в контекст «национальной» операции. Поводом для них послужило сфальсифицированное Дальневосточным управлением НКВД дело о готовящейся провокации. Опираясь на данные о резко возросшей среди китайцев японофобии, выражавшейся в угрозах, нападках и оскорблениях в адрес японцев, сотрудники НКВД проигнорировали, что это происходило на фоне острой фазы японо-китайской войны. Дальневосточные чекисты интерпретировали волнения китайской общины как результат провокаций японских агентов. По их утверждению, целью этих провокаций было убийство японских граждан (а лучше — дипломатов) с тем, чтобы дать Японии предлог для объявления войны Советскому Союзу²².

В связи с этим 22 и 23 декабря нарком внутренних дел Н.И. Ежов отправил на Дальний Восток две директивы. Первая из них предусматривала немедленный арест «всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения», вторая являлась приказом о ликвидации в крае прионов. Эти распоряжения и стали основанием для начала антикитайской кампании в Дальневосточном крае. Несмотря на то, что формально под их действие попадали лишь преступные элементы, на практике массовые аресты тысяч людей совершенно не предполагали сбор доказательств вины в отношении конкретных задержанных. С конца декабря 1937 по конец марта 1938 г. по основным населенным пунктам края прокатилось несколько больших волн арестов²³. Распоряжением Ежова массовые аресты китайцев на Дальнем Востоке были прекращены после 10 июня 1938 г.²⁴ К этому времени в регионе было арестовано более десяти тысяч человек²⁵.

Что касается порядка рассмотрения дел, то вторая директива предусматривала рассмотреть дела граждан СССР, «изобличенных [в] антисоветской, шпионской, контрабандистской деятельности, и активных уголовников» на «тройке» (т.е. в рамках операции против «антисоветских элементов»), а иноподданных, изобличенных в этих преступлениях, через суд выдворить из Советского Союза. Остальных же, то есть тех, кто, по данным следствия, не был связан с подобными деяниями, предполагалось также провести через суд и запретить проживать в Дальневосточном крае, Читинской и Иркутской областях²⁶. Таким образом, по первоначальным установкам руководства НКВД, внесудебные разбирательства должны были затронуть прежде всего китайцев — советских граждан, а подданные Китайской Республики, в том числе и в отношении которых имелись подозрения в совершении тяжких преступлений, должны были быть депортированы.

Но вскоре ситуация изменилась. 31 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б), принимая решение о продолжении идущих и начале новых «национальных» операций, включило в них и отдельную китайскую линию. 1 февраля Ежовым была разослана составленная на основании этого постановления шифротелеграмма № 233²⁷. На практике это означало санкцию на развертывание новых арестов китайцев по всей стране, в том числе в регионах, где они еще не были массовыми, а также рассмотрение всех дел арестованных (включая иностранных подданных) во внесудебном («альбомном») порядке²⁸.

Что касается китайских консульских представительств, то уже во время инициирования «китайской» операции в Дальневосточном крае, местное УНКВД поставило генконсульство во Владивостоке почти в центр этого фантастического заговора. Так, одно из первых сообщений, направленных в центр заместителем руководителя УНКВД М.А. Каганом о якобы готовящейся провокации, начиналось с информации о том, что китайское консульство во Владивостоке организует среди членов диаспоры

антияпонскую работу и поощряет торговцев, водовозов и подсобных рабочих бойкотировать японцев и японское консульство²⁹.

Также сообщалось, что помимо отдельных нападок и угроз в адрес японцев, некоторые китайцы замыслили убийства японских граждан. Подобные акты они якобы планировали под влиянием разговоров, которые вели в консульстве некие *Туань-Цюань-Цзян*³⁰ и *Цзюй-Цзя-Тин*. В частности, от официанта ресторана «Золотой рог» *Мао-Ю* были получены признательные показания, что *Туань-Цюань-Цзян* и *Цзюй-Цзя-Тин* «разжигали в нем озлобление против японцев, в результате чего *Мао-Ю* решил убить японского консула»³¹. После бесед в консульстве о войне подобное желание якобы возникло и у арестованного в конце декабря *Люй-Чжи-Куна*, в чьих показаниях говорилось, что он хранил револьвер «с целью убийства японского консула, выжидая встречи с ним на улице»³². Таким образом, сотрудники китайского генерального консульства становились одними из ключевых участников придуманной дальневосточными чекистами японской провокации.

В дальнейшем количество обвинений в адрес консульства только росло. В конце февраля 1938 г. руководство краевого УНКВД сообщало в центр о «провокационной позиции» исполняющего обязанности генконсула во Владивостоке У Айчэна. Это стало результатом того, что У не смог отказать в прибежище согражданам, когда после очередной, начавшейся 22 февраля масштабной волны арестов, около тысячи китайцев решили укрыться на территории консульства, заявив консулу, что «что они не уйдут до тех пор, пока он не примет меры, гарантирующие их от арестов»³³. Не решившись противостоять им, У Айчэн позволил разместить китайцев во всех подсобных помещениях представительства и обеспечивал их питанием³⁴.

Сообщая об этом Ежову, начальник Дальневосточного УНКВД Г.С. Люшков отмечал, что «создавшееся положение возбуждает остальную часть китайцев, проживающих во Владивостоке, и создает настроение противодействия нашим мероприятиям»³⁵, то есть проведению массовых арестов. Люшков обвинил в создавшейся ситуации У Айчэна, заявив, что «судя по ряду данных, это скопление китайцев является результатом организованной работы китайского консула». А для большей убедительности добавил, что согласно полученному накануне анонимному сигналу, У Айчэн сам является агентом японцев³⁶.

Разработка сотрудников консульств и использование «консульских связей» во время национальной китайской операции

Анализ даже неполного объема отчетов региональных управлений и республиканских наркоматов внутренних дел за 1938 г. свидетельствует о том, что в период проведения китайской «национальной» операции все консульства Китайской Республики на Дальнем Востоке и в Сибири в той или иной степени были обвинены в подрывной, шпионской и диверсионной деятельности³⁷.

С одной стороны, это стало результатом дезорганизации в условиях активной шпионмании нормальной контрразведывательной работы, которая под воздействием установок руководства страны стала вестись не просто с объяснимым для соответствующих органов пристрастием, но и с широким использованием подтасовок и подлогов. В результате, произвольно приравнивая подозрения или возможность совершения преступлений к намерениям и даже конкретным деяниям, сотрудники НКВД без особых затруднений плодили необоснованные обвинения.

С другой стороны, сама практика массовых фальсификаций по «национальным» операциям создавала все условия для превращения иностранных консульств в удобные мишени таких обвинений. Под пером следователей, которым приходилось в сжатые сроки оформлять значительное количество материалов, наличие любых контактов с дипломатическими учреждениями почти автоматически превращалось в доказательство преступной связи арестованных с заграницей. И хотя при расследованиях китайских дел

речь чаще шла о контактах с дипломатическими представительствами Японии или Маньчжоу-го, под ударом оказались и консульства Китайской Республики.

На такое отношение к представительствам стран, чьи граждане стали объектами преследования в рамках «национальных» операций, сотрудников НКВД нацеливала и директива Ежова от 1 февраля. Четвертый пункт упомянутой шифротелеграммы № 233 предусматривал выявление и изъятие «всех связанных [с] иностранными миссиями, посольствами, консульствами, концессиями и иными иностранными учреждениями»³⁸. То есть включение китайцев в общий список «шпионско-диверсионных контингентов» формально предусматривало и восприятие китайских консульств в качестве источников угрозы.

Как было показано выше, уже сам повод для начала репрессий против китайцев на Дальнем Востоке связал консульство во Владивостоке с воображаемой провокацией. По мере развития операции количество обвинений в адрес сотрудников консульств увеличивалось. Например, если в конце февраля сообщалось только об анонимном сигнале о работе У Айчэна на японцев, то в апреле Люшков докладывал, что якобы У Айчэн и генеральный консул в Хабаровске Цюань Шиэнь³⁹ давали распоряжения укрывать в китайской лечебнице прибывающих в СССР японских шпионов⁴⁰. Выдвигались против хабаровского генконсула и другие обвинения. Люшков сообщал в центр, что агентура НКВД в Хабаровске «отмечает японофильские настроения Цюань Шиэня» и зафиксировала встречи хабаровского генконсула с «установленным японским шпионом», в качестве которого фигурировал некий *Сун-Юй-Тин* — повар в японском консульстве⁴¹.

Большое досье было собрано и на Цянь Цзядуна, с конца 1937 г. генконсула в Новосибирске, а до этого занимавшего аналогичную должность в Хабаровске. В спецсводке, подписанной руководителем УНКВД по Новосибирскому краю Г.Ф. Горбачом, со ссылкой на агентурные материалы говорилось о связях китайского дипломата с японскими и германскими консульствами, а также о проведении им масштабной разведывательной работы. Сообщалось, что в Хабаровске Цянь «путем опроса посещающих консульство кит[айских] граждан [...] выявлял секретных и официальных сотрудников НКВД и коммунистов китайской национальности. Выяснял количество китайских граждан и китайцев-сов[етских] граждан, находящихся в пределах ДВК. Устанавливал и подыскивал среди китайцев квалифицированных специалистов и рабочих, в частности, доменщиков и жел. дорожников, работающих на поездах, паровозах и в станционных депо»⁴². Кроме этого он интересовался информацией об интернированных китайцах. А после инструкций, якобы полученных от японской разведки, начал собирать сведения о частях и вооружении Красной армии и флота, железнодорожном и шоссе, военном строительстве, проживающих в крае корейцах и даже о месте проживания Блюхера и секретаря крайкома ВКП(б) и столовой, которая их обслуживала⁴³. Также упоминалось, что Цянь помогал японцам скупать советские деньги, которые потом использовались для разведывательной работы⁴⁴.

По утверждению Горбача, аналогичной деятельностью Цянь Цзядун продолжил заниматься и в Новосибирске, где также расширял контакты среди китайских граждан и интернированных⁴⁵, по-прежнему уделял особое внимание армии и собирал информацию путем личных наблюдений и из открытой прессы⁴⁶. Среди контактов Цяня, как утверждали новосибирские чекисты, были сторонники Японии как в СССР, так и в Китае. В частности, секретари консульства в Новосибирске — Чжан Вэньюань, и во Владивостоке — *Хуан Ти-чу*, которые назывались занимающимися разведывательной деятельностью «японофилами».

В создании на территории СССР разведывательных ячеек Цянь Цзядун обвинялся и в докладе руководителя УНКВД Алтайского края С.П. Попова. В нем говорилось, что в 1936 г. Цянь потребовал от приехавшего в Новосибирск за национальным паспортом *Лу-Фа* «из числа корейцев и интернированных китайцев, проживающих в Барнауле, создать шпионско-диверсионную группу». Для этих же целей китайский консул якобы в том же году направил в Барнаул и интернированного *Джи-У-Ли*. 18 членов созданной группы, по утверждению следствия, «в 1936–1937 гг. систематически объезжали города

Томск, Бийск и Ташкент и собирали сведения о расположении войсковых частей, оборонных предприятий». А *Лу-Фа* «систематически посещал китконсула в Новосибирске и все собранные сведения передавал ему... Участники группы, осевшие на различных предприятиях в Барнауле, имели задание подготовить ряд диверсионных актов к моменту военных осложнений между Японией и СССР»⁴⁷.

Японским резидентом назывался и Чжан Вэньюань — сотрудник Новосибирского консульства, упомянутый выше в связи с Цянь Цзядуном. По утверждению местного УНКВД, он руководил переданной ему после закрытия японского консульства в Новосибирске шпионско-диверсионной ячейкой, созданной из китайских перебежчиков и контрабандистов⁴⁸. А, например, повар ресторана на железнодорожной станции *Сун-Гуй-Тан* якобы был связан с вице-консулом в Чите — Чжан Чэнем⁴⁹. Как доносило УНКВД по Читинской области, *Сун* занимался сбором сведений о проходящих эшелонах и военных грузах, а также о размещенных в городе частях и авиапарке⁵⁰.

Согласно сообщениям региональных управлений НКВД за 1938 г., значительная часть арестованных китайцев была агентурой, насажденной китайскими консульствами в 20-х — первой половине 30-х годов. Очевидно, это было наследием периода конфликтных отношений Китайской Республики и СССР. Япония в таких случаях упоминалась редко, а обычно подразумевалась работа в пользу Китая.

Например, в одном из докладов говорилось о старателе *Ли-Я-А*, «признавшемся», что еще в 1920 г. при выезде из Харбина в СССР он был завербован китайским агентом, а позже, в 1925 г., перевербован сотрудником китайского генконсульства в Благовещенске. Указывалось, что по заданию последнего, *Ли* якобы привлек к шпионажу 12 других китайцев и получил за сбор материалов военного характера 20 000 рублей⁵¹. Другим примером может послужить история некоего *Чан Чючена* (Высоцкого), подтвердившего на следствии, что он был завербован в 1930 г. швейцаром новосибирского консульства Китайской Республики. Своему куратору *Чан Чючен* якобы передавал сведения о местном аэродроме, самолетах и продовольственных складах⁵².

В качестве создателя шпионских сетей упоминалось и имя Ген Куана — в первой половине 1938 г. 2-го секретаря китайского посольства в Москве. По утверждению УНКВД по Читинской области, будучи в 1934 г. консулом в Чите, Ген Куан завербовал китайского подданного, столяра лесозавода *Дун-Хуна*, чтобы последний «собрал сведения о положении воинских частей, аэродроме и расположении арtpолка»⁵³.

В итоге из докладов НКВД конца 1937 — начала 1938 г. складывается четкая картина, в которой все китайские консульства на Дальнем Востоке и Сибири предстают в образе опорных пунктов разветвленных вражеских сетей. С точки зрения создателей этой картины, частично эти сети были сформированы в более ранний период для работы на китайские спецслужбы, однако в 1937–1938 гг. их подавляющее большинство работало на интересы Японии.

Появление большого массива подобных обвинений стало результатом постепенного включения китайцев в орбиту «национальных» операций. Еще в конце 1937 г. создание повода для проведения операции на Дальнем Востоке СССР сопровождалось обвинениями в адрес консульства во Владивостоке. Негативное отношение советских органов к китайским представительствам усугубилось и в результате реакции последних на массовые аресты. Подробнее об этом пойдет речь ниже, здесь же напомним, что попытка противодействия «мероприятиям НКВД» со стороны У Айчэна стала вероятной причиной обвинения его в шпионаже. Также стоит отметить, что директива Ежова № 233, формально включившая китайскую линию в «национальные» операции, не только уже самим этим фактом провоцировала появления новых обвинений в адрес консульств, но и специально концентрировала внимание сотрудников НКВД на консульских и посольских связях.

Инкриминировать сотрудникам китайских консульств участие в самом широком спектре антисоветской деятельности позволяли распространенные в НКВД методы фальсификации, которыми отлично владели как руководители Дальневосточного УНКВД,

так и чекисты в других регионах⁵⁴. С той же легкостью от арестованных получали и любые признания — использование незаконных методов (от психологического давления и обмана до физического насилия) в этот период стало уже обыденной практикой⁵⁵.

Впрочем, выявить признаки фальсификации иногда можно просто при внимательном отношении к документам. Исследователя не может не насторожить, что кадровые японские разведчики, готовя провокацию для развязывания войны, неоднократно открывали рядовым исполнителям конечную цель этих акций. Стоит отметить и то, что об организации подобных провокаций местное УНКВД докладывало и раньше, в частности, в этом были обвинены участники так называемой корейской повстанческой организации⁵⁶, однако никаких свидетельств о реальных попытках покушений на японских дипломатов так и не появилось. Или, например, вопреки упомянутым сообщениям руководителя УНКВД Алтайского края, Цянь Цзядун никак не мог заниматься в 1936 г. в Новосибирске паспортом китайца *Лу-Фа*, давать ему поручения и направлять куда-либо завербованных лиц. В это время Цянь работал в Хабаровске, а в Новосибирск был переведен только ближе к концу 1937 г.

Таким образом, обвинения могли строиться на основании не только сфальсифицированных, но и весьма небрежно подобранных и противоречивых материалах. Тем не менее и руководство Наркомата внутренних дел, и руководство страны закрывало на это глаза, так как проведение «национальных» операций отвечало общим представлениям Сталина о борьбе с потенциальной «пятой колонной» и угрозами безопасности страны.

Консульства Китайской Республики и представители советского внешнеполитического ведомства

Несмотря на то, что обстоятельства, в которых оказались консульства Китайской Республики в 1937–1938 гг., в значительной мере обуславливались деятельностью органов НКВД, нельзя обойти стороной взаимодействие консульств с представителями Наркомата иностранных дел. Ведь именно к последним были вынуждены обращаться китайские дипломаты по вопросам, связанным с китайской диаспорой. Впрочем, при этом необходимо помнить, что важной частью контекста этих отношений было непростое положение, в котором в этот период существовало советское внешнеполитическое ведомство. Участвовавшие нападки на Литвинова со стороны партийного руководства, обострение отношений с НКВД и аресты многих сотрудников наркомата — все это в значительной степени отражалось на деятельности как центрального аппарата, так и региональных представительств НКВД⁵⁷. Одним из следствий сложившейся ситуации стал страх принятия самостоятельных решений сотрудниками дипагентств. Например, агент НКВД в Новосибирске без санкции НКВД даже не осмеливался разрешить оказание помощи рожавшей жене китайского консула⁵⁸. Такое положение неизбежно накладывало отпечаток на контакты между советскими и китайскими дипломатами.

Характерная беседа, в которой наглядно отразилась позиция китайских консулов по поводу арестов китайских граждан и реакция представителей советского внешнеполитического ведомства, состоялась 17 октября 1937 г. между читинским консулом Цзяо Цзихуа и дипломатическим агентом П.И. Рыжовым. К этому времени, т.е. уже в период «большого террора», но еще до начала «китайской» операции НКВД на Дальнем Востоке, в различных регионах СССР было арестовано более тысячи китайцев. Как правило, им предъявлялись обвинения в шпионаже в пользу Японии. В подотчетном Цзяо Цзихуа консульском округе были заключены под стражу несколько десятков, а, возможно, уже более ста китайцев⁵⁹, и дипломат пытался поставить вопрос о том, что он фактически лишен возможности заниматься защитой интересов граждан Китайской Республики.

Причина этого заключалась в изолированности и неинформированности консульства. Оно не получало необходимых уведомлений об арестах китайских подданных, а если такие сведения появлялись из каких-либо других источников, дипагент, через которого

консульство должно было поддерживать связь с другими советскими органами, во многих случаях не мог навести справки даже о предъявленных обвинениях и личностях арестованных⁶⁰. Цзяо также напомнил Рыжову, что не получил запрашиваемых данных об общем количестве арестованных китайцев, а кроме того жаловался на обыски, которым подвергались посещающие консульство лица. В таких условиях, констатировал консул, его пребывание в Чите «является бесполезным делом, ибо оно не достигает цели»⁶¹.

Говоря о самом распространенном обвинении, Цзяо отмечал, что ему «не верится, что арестованные китайские граждане, в своей массе безграмотные люди, могли бы серьезно заниматься шпионажем» и обращал внимание собеседника, что если они преступники, то их должны судить. «И почему бы вашим властям не допустить на суд китайского консула; так как вы поступаете, когда судите немецких граждан[?]»⁶², — задавал он справедливый вопрос.

В ответ Рыжов ничего не смог ответить о своевременном информировании и тем более открытом суде, зато сделал риторическое замечание, что советская сторона не скрывала и не собиралась скрывать информацию об аресте занимающихся шпионажем китайцев⁶³. После этого дипагент даже перешел в наступление, заявив: «Кому уж кому, а Вам, господин Консул, должно быть понятно, что нынешний японский шпион с любым паспортом враг наших народов. Это обязывает не только нас, но и Вас, г-н Консул, бороться с подобными врагами. Было бы правильно, если бы Вы так понимали свои функции по защите интересов китайских граждан. К великому сожалению, создается впечатление, что Вы претендуете на функции по защите японских шпионов, подвергая сомнению наши сообщения о причинах арестов. Между тем, в японской разведке и шпионаже сегодня никто не сомневается. Не беспокойтесь, пожалуйста, китайских граждан мы не обижаем, если они честно трудятся»⁶⁴.

То есть на сомнения консула в обоснованности массовых арестов, замечание о том, что он не получает информации об арестованных, и указание на отсутствие открытого объективного суда⁶⁵, дипломатический агент ответил лишь рассуждениями о распространенности японского шпионажа и утверждением, что в СССР честным труженикам ничего не угрожает. При этом Рыжов не забыл упрекнуть Цзяо в том, что во время идущей войны, консул не ценит отношения и симпатий советского народа к Китаю⁶⁶.

Конечно, позиция сотрудника НКВД обуславливалась уже самой необходимостью оправдывать массовые репрессии. Однако его положение усугублялось и тем, что НКВД не торопился предоставлять информацию об арестованных иностранцах и отвечать на запросы о судьбе конкретных лиц⁶⁷. В этих обстоятельствах, чтобы сократить претензии консула, Рыжов даже предложил НКВД «сделать соответствующим органам специальное указание, чтобы они не опубликовывали в печати решения суда»⁶⁸, т.е. фактически скрывать от консульства информацию о китайских гражданах.

В конце 1937 — начале 1938 г. в связи с лавинообразным увеличением количества арестов проблемы обострились. Китайская сторона неоднократно подчеркивала, что масштабы арестов свидетельствуют о том, что НКВД не утруждает себя поиском доказательств вины отдельных лиц, подозреваемых в шпионаже, диверсионной деятельности или менее тяжких преступлениях, таких, как содержание притонов и спекуляция. Эта точка зрения, озвученная сначала сотрудниками консульств, была изложена и в ноте посольства от 6 января 1938 г. В ней, в частности, говорилось: «Массовый характер арестов показывает, что причиной их является не персональная виновность тех или иных лиц, вследствие чего Китайское Посольство имеет честь просить Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР о срочном сообщении Посольству, чем вызваны указанные аресты, и принять меры к немедленному освобождению арестованных»⁶⁹.

Позиция же советского внешнеполитического ведомства сводилась к тому, что арестам подвергаются в основном преступники и лица, связанные со шпионажем, «засорившие» стратегически важный для СССР дальневосточный регион. Эта позиция пол-

ностью совпадала с установками НКВД, зафиксированными в письме замнаркома внутренних дел М.П. Фриновского. 8 февраля он писал Литвинову:

«В дополнение к личным переговорам по существу Вашего письма, сообщаю, что аресты китайских подданных и китайцев гр-н СССР в 1937 году мы производили не вообще, а в каждом отдельном случае по конкретным материалам.

В числе арестованных в основном преобладает агентура японских разведывательных органов, а также притоносодержатели, контрабандисты и прочий социально-опасный сброд.

Очищение нашего Дальнего Востока от такого элемента кроме пользы, ничего нам не даст.

Мы вполне учитываем существующие дружественные взаимоотношения между Советским Союзом и Китаем и считаем, что решительной ликвидацией этой японской агентуры из числа китайцев-предателей, мы не только принесли пользу Советскому Союзу, но и в тоже время оказываем определенную услугу Китаю, защищая его национальные интересы»⁷⁰.

Эти установки, зачастую с использованием одних и тех же выражений, не раз воспроизводились советскими дипломатами при общении с сотрудниками консульств и посольства⁷¹, однако ни о каких доказательствах вины отдельных лиц речь не шла.

В июне 1938 г. основные аресты китайцев на Дальнем Востоке были прекращены. После продлившихся несколько месяцев переговоров⁷² китайским гражданам было разрешено выехать в Синьцзян. К ним могли присоединиться жены и дети, а также освобожденные из тюрем арестованные за нетяжелые преступления («исключая осужденных и обвиняемых в шпионаже, активной диверсии, терроре»)⁷³. Желавшим было предоставлено право остаться в Дальневосточном крае, но за пределами пограничных и запретных зон — в специально оговоренных районах⁷⁴.

На этом фоне дипломатический агент НКВД в Хабаровске сообщал в Москву данные о том, что генеральный консул Цюань Шиэнь «проводит активную агитацию, как среди китайских граждан, а также и среди китайцев-советских граждан за отъезд в Синьцзян и выход из советского гражданства»⁷⁵. Как сообщал дипагент, многие члены диаспоры, которые сначала изъявляли желание остаться в Советском Союзе, после собрания в посольстве изменили свои намерения, и сделано это было под влиянием генконсула. Так, по словам некоего *Тин-Ки-Сяна*, консул заявлял, что в Кур-Урмийском районе Хабаровской области, куда в частности предполагалось переселить китайцев из Хабаровска, «китайцы помрут от голода»⁷⁶.

Ну и, конечно, принципиальным для советских властей был вопрос о китайцах, принявших советское гражданство. Разговор на эту тему и попытки Цюань Шиэня оправдать принятие гражданства «несознательностью» китайцев были решительно отвергнуты дипагентом⁷⁷, так как дела граждан СССР не могли находиться в сфере интересов иностранного консульства⁷⁸.

Признавая, что в переговорах об арестованных китайцах консул всегда вел себя корректно, дипломатический агент делал вывод, что хотя Цюань Шиэнь «внешне по отношению к СССР проявляет лояльность», но приведенные в докладе факты «свидетельствуют о том, что за показной лояльностью консула скрываются действия, направленные к дискредитации СССР (запугивание китайцев, что они умрут с голода, если не поедут в Синьцзян, агитация за выход из советск[ого] гражданства китайцев)»⁷⁹.

Таким образом, можно отметить, что массовые аресты китайцев в период «большого террора», а также вопросы, возникшие во время выселения оставшихся на свободе из «запретных зон», привели к серьезным противоречиям между консульствами, пытавшимися как-то повлиять на происходящее и защищать права своих граждан, и представителями НКВД, которым приходилось оправдывать действия НКВД и решения руководства страны. Оказавшись зажатыми между мощным репрессивным аппаратом и нормами права (в том числе и декларируемыми Конституцией СССР), сотрудники советского

внешнеполитического ведомства были вынуждены воспроизводить установки НКВД, согласно которым большинство арестованных были связаны с различной антисоветской и преступной деятельностью. При этом вопросы о возможности открытых судебных разбирательств, как и вопросы о доказательствах вины, оставались без ответа. Большие трудности сотрудники НКВД испытывали и с получением от НКВД информации об арестованных и, соответственно, в передаче этих данных китайским дипломатам.

В этих условиях своеобразной защитной реакцией стали встречные упреки в адрес представителей китайских консульств. Они сводились к тому, что своими действиями и протестами китайские дипломаты попустительствуют японскому шпионажу и тем самым играют на руку врагу Китая и СССР. Высказывались и прямые обвинения в «провокациях» и работе на японцев. Как попытки дискредитировать Советский Союз рассматривались и призывы консула к своим гражданам покинуть, пока имеется возможность, страну, где только что тысячи китайцев без достаточных улик были арестованы по серьезным обвинениям.

Отозванные и оставшиеся

Объяснимое желание китайского правительства не ухудшать отношения с СССР привело к тому, что дипломаты, вызывавшие особое раздражение у советских органов, были отозваны. 15 июля 1938 г. китайское посольство уведомило НКВД, что У Айчэн и Цянь Цзядун отзываются на родину. Позже, в ноябре того же года, СССР покинул и Цюань Шиэнь. Вместе с консулами уехали и некоторые из их сотрудников.

При этом даже здесь не обошлось без инцидентов. Когда уезжающий Цюань Шиэнь и сопровождающие его лица оказались в Москве в гостинице «Метрополь», несмотря на все имеющиеся необходимые отметки в документах от них потребовали дополнительной регистрации в милиции. Сотрудники посольства несколько дней пытались решить эти вопросы, обращаясь в протокольный отдел НКВД и ОВИР, в то время как Цюань Шиэню и его сотрудникам постоянно угрожали выселением. В конце концов обнаружилось, что никакой регистрации не было нужно и «все это оказалось просто чьей-то выдумкой»⁸⁰. В этих обстоятельствах представитель китайского посольства, подчеркивая, что не хочет защищать бывшего генконсула, все же просил НКВД принять меры для неповторения подобного в будущем⁸¹.

Но хотя китайское правительство шло навстречу пожеланиям советской стороны и обновляло состав консульств, многие из служащих, в 1938 г. обвиняемых НКВД в организации подрывной деятельности и связях с японцами, продолжали работать в китайских представительствах.

Одним из них был Сюй Дэгуан, занимавший в 1938 г. должность вице-консула в Новосибирске. До августа 1937 г. он работал в Чите, где, как утверждалось в сообщении, направленном 26 февраля 1938 г. из читинского УНКВД, организовывал шпионскую работу и собирал сведения о местном гарнизоне и экономике области⁸². Это не помешало ему оставаться на своей работе и в дальнейшем исполнять обязанности генерального консула⁸³. Выше также говорилось об обвинениях в адрес Ген Куана, которому инкриминировалась вербовка китайцев для шпионажа в середине 1930-х годов. В первой половине 1938 г. он работал 2-м секретарем посольства и в этом качестве принимал активное участие в переговорах о судьбе китайской диаспоры в Дальневосточном крае. А после того, как У Айчэн покинул Владивосток, Ген Куан был переведен в этот город на должность генконсула.

Остались в СССР сотрудник консульства в Новосибирске Чжан Вэньюань и вице-консул в Чите Чжан Чэнь. Хотя первый якобы руководил переданной ему после закрытия японского консульства шпионско-террористической группой⁸⁴, а среди обвинений в адрес второго была вербовка для шпионажа⁸⁵. В дальнейшем Чжан Вэньюань числился атташе в генконсульстве во Владивостоке, а Чжан Чэнь на протяжении нескольких лет возглавлял консульство в Чите.

Даже этого неполного списка примеров достаточно, чтобы продемонстрировать насколько сильно китайские консульства продолжали быть «засорены» японскими агентами и антисоветским элементом, если, конечно, всерьез доверять докладам региональных управлений НКВД периода «большого террора». При этом нами не было найдено никаких следов попыток избавиться от этих сотрудников и даже упреков в их адрес со стороны работников НКВД во время контактов с представителями китайского посольства. Ничего на данный момент не известно и о реакции опасавшегося войны с Японией высшего советского руководства, которому копии этих докладов ложились на стол.

Судя по всему, и руководство СССР и НКВД отдавали себе отчет, что обвинения в адрес этих консульских работников обуславливались особенностями массовых «национальных» операций, в период проведения которых «консульские связи» были удобным и популярным механизмом фальсификации дел. В этих условиях предъявление жестких и малообоснованных требований, не говоря уже о репрессивных мерах в отношении представителей страны-союзника, не имело смысла. Однако ситуация менялась, если компрометирующие материалы достигали значительных масштабов, а дипломаты слишком активно боролись за права членов диаспоры или более того препятствовали «мероприятиям» НКВД. В этих случаях постановка вопроса о нежелательности пребывания того или иного лица в Советском Союзе становилась фактически неизбежна.

* * *

Положение, в котором оказались китайские консульства на Дальнем Востоке СССР и в Сибири в 1937–1938 гг., как было показано выше, оказалось весьма двойственным.

С одной стороны, события в Китайской Республике играли важную роль в советско-японском противостоянии. Советский Союз оказывал большую помощь сражающемуся Китаю, но тем самым и отодвигал войну от своих рубежей. В этих обстоятельствах отказ от сокращения китайской консульской сети в СССР выглядел как политический жест, подчеркивающий действительно особые, союзнические отношения между двумя странами.

С другой стороны, ситуация внутри Советского Союза во многом формировалась под влиянием массовых репрессий, развязанных Сталиным и осуществляемых под его непосредственным контролем и руководством. «Национальные» операции — неотъемлемая часть этих репрессий — не обошли стороной и китайскую диаспору. К этому имелись все предпосылки, среди которых, помимо маргинальности и слабой адаптивности диаспоры, принципиальную роль играли трансграничность, этническая связь с оккупированными территориями и проживание вблизи государственной границы.

Антияпонская активность генерального консульства Китайской Республики во Владивостоке стала одним из оснований сфальсифицированного дела, послужившего поводом для начала операции против китайцев. В дальнейшем «консульские связи» многократно использовались различными региональными управлениями НКВД при фабрикации дел в отношении китайцев. Помимо того, что это был привычный «инструмент» следователей НКВД, воспринимающих иностранные представительства как центры враждебной деятельности, на такое отношение их нацеливало и распоряжение Ежова, в котором китайцы в качестве самостоятельной линии были включены в «национальные» операции. Реакция китайских дипломатов на незаконные массовые аресты подданных их страны повлекла за собой как новые обвинения в адрес сотрудников консульств со стороны НКВД, так и серьезные трения между консульствами и представителями НКВД.

Таким образом, двойственность положения китайских консульств была связана с тем, что в контексте советских внешнеполитических деклараций они являлись представительствами дружественной стороны, а в аспекте внутренней политики СССР рассматривались как защитники интересов так называемых национальных шпионско-диверсионных контингентов.

При этом функционирование китайских консульств во время «большого террора» дало им возможность своевременно и относительно полно информировать прави-

тельство Китайской Республики и посольство о проблемах диаспоры. Однако в условиях критической зависимости от советской помощи китайская сторона, защищая интересы своих граждан, старалась избегать конфликтов. Достигнутые договоренности, включая решения о переселении в Синьцзян и освобождении арестованных за нетяжелые преступления, позволили вывести часть диаспоры из-под удара НКВД. Но в то же время значительная часть арестованных по сфабрикованным шпионским, террористическим и т.п. делам была уничтожена во время «национальных» операций. Только по Дальневосточному краю, на который, по предварительным данным, пришлось около половины арестованных в СССР китайцев, количество смертных приговоров превысило 4000 человек⁸⁶.

1. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 13–14.
2. См.: Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 39–41.
3. Через трупы врага, на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Т. 2. М., 2010. С. 565–566.
4. См. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение... С. 295–296. Статья была опубликована в газете «Правда». № 121. 04.05.1937.
5. См., например: Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 45–48.
6. Белковец Л.П. Россия на пути к дипломатическому и консульскому праву (1917–1938). Новосибирск, 2010. С. 433–434.
7. Там же, С. 440–441.
8. Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е. М., 2019. С. 300.
9. Там же. С. 301.
10. См., например: Документы внешней политики СССР. Т. 21. 1 января — 31 декабря 1938 г. М., 1976. С. 703 (Примеч. 19); ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М., 2001. С. 196.
11. Белковец Л.П. Россия на пути... С. 444.
12. Первые два японских консульства были закрыты в 1937 г. также с использованием давления со стороны НКВД.
13. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 18. П. 137. Д. 1. Л. 302.
14. См., например: Сотникова И.Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М., 2012. С. 37–46.
15. АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 137. Д. 1. Л. 38.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же. Л. 161–162.
19. Судьба «антисоветских элементов» в соответствии с приказом НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. решалась на печально известных «тройках», а масштабы операции контролировались с помощью выдаваемых центром «лимитов» на 1-ю и 2-ю категории (т.е., соответственно, расстрел или заключение). «Национальные» операции, тоже внесудебные, осуществлялись в «альбомном порядке»: арестованные в ходе следствия разделялись на те же две категории, после этого завизированные руководителем местного НКВД и прокурором, сшитые в «альбомы» списки направлялись в НКВД СССР. В Москве их утверждала комиссия наркома внутренних дел и прокурора СССР (или их заместителей), после чего приговоры приводились в исполнение (см.: Петров Н.В., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008. С. 98–105, 113–114).
20. Shearer D. Policing Stalin's socialism: repression and social order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, 2009. P. 316–317.
21. Дюллен С. Уплотнение границ... С. 267–269.
22. О начале «китайской» операции в Дальневосточном крае подробнее см.: Калкаев Е.Г. К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937–1938) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 66–87.
23. См., например: Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. С. 260.
24. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004. С. 539.

25. По предварительным данным НКВД, к началу апреля 1938 г. в крае было арестовано 10 282 китайцев (Центральный архив ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 49. Л. 261.), сбежавший позже из СССР начальник УНКВД Дальневосточного края Г.С. Люшков говорил об 11 000 китайцев, арестованных в ходе операции (*Люшков Г.С.* Сорэн сякаисюги хихан: [Критикую советский социализм] // Гэккан Россия: [Ежемесячник Россия]. 1939. № 5. С. 50).
26. Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 101.
27. См. также: *Калкаев Е.Г.* К вопросу о начале «китайской операции»... С. 78–82.
28. При этом важно обратить внимание, что дела более чем 1000 арестованных до февраля 1938 г. за шпионаж и другую антисоветскую деятельность китайцев, как правило, также рассматривались в рамках «альбомной» линии — «харбинской» — которая фактически интерпретировалась и как линия японского шпионажа.
29. Подробнее см.: *Калкаев Е.Г.* Генеральное консульство Китайской Республики во Владивостоке в период проведения «китайской операции» НКВД (1937–1938 гг.) // Общество и государство в Китае. Т. XLIX. Ч. 2. М., 2019.
30. В связи с тем, что в 30-х годах XX века большинство китайских имен записывались в русской транскрипции весьма произвольно, в данной статье все искаженные или неподтвержденные иероглифической написания выделены курсивом. Написание имен, иероглифы которых известны, не выделяются. В цитируемых документах, по мере возможности, используется современное принятое написание.
31. Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ). Ф. 3. Оп. 4. Д. 861. Л. 259.
32. Там же. Л. 258.
33. Там же. Оп. 5. Д. 39. Л. 314.
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же.
37. При работе использовались копии документов, пересылаемых в 1938 г. Ежовым и Фриновским высшему партийному руководству.
38. *Калкаев Е.Г.* К вопросу о начале «китайской операции»... С. 79.
39. Цюань Шиэнь был в это время одним из старейших представителей Китая в России. Еще в 1911 г., неся службу атташе в посольстве, он одновременно числился преподавателем китайского языка в Петербургском университете. В последующие годы был вице-консулом в Хабаровске, консулом в Чите, генконсулом во Владивостоке, а в конце 1937 г. вернулся в Хабаровск в качестве генерального консула. (См.: Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе к 1 января 1912 г. СПб, 1912. С. 26., *Янь Годун.* Китайские преподаватели в Санкт-Петербургском университете до 1917 года // Институт Конфуция. Март 2012. Вып. 11. № 2. С. 27.)
40. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 49. Л. 258.
41. Там же. Л. 259.
42. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 53. Л. 181.
43. Там же. Л. 182–183.
44. Там же. Л. 180–181.
45. Там же. Л. 185.
46. Там же. Л. 185–186.
47. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 37. Л. 77–78.
48. ЦА ФСБ. Д. 3. Оп. 5. Д. 45. Л. 54–55.
49. В тексте говорится о сотруднике консульства *Чжун-Шине*, однако, судя по всему, имеется в виду именно вице-консул Чжан Чэнь. В русскоязычных документах его имя обычно писалось как *Чжан-Шин* или *Чжан-Шинь*, в таком виде оно встречается и в других сообщениях НКВД.
50. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 44. Л. 389.
51. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 59. Л. 169.
52. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 43. Л. 371.
53. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 44. Л. 389.
54. О Люшкове см., например: *Хаустов В.Н., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии... С. 95, 301–302.
55. *Петров Н.В., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С. 125–128.
56. *Калкаев Е.Г.* К вопросу о начале «китайской операции»... С. 84 (сн. 52).

57. См. подробнее: *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М., 2009. С. 199–225, *Дюллен С.* Уплотнение границ... С. 305–318.
58. *Белковец Л.П., Белковец С.В.* История германского консульства в Новосибирске // *Сибирские огни*. 2013. № 8. С. 180.
59. По данным консульства, только к июлю 1937 г. в Чите было осуждено за шпионаж 22 китайских гражданина и находились под стражей еще около 50. (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 21. П. 52. Д. 3. Л. 95, 96.)
60. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 21. П. 187. Д. 9. Л. 7–8.
61. Там же. Л. 9.
62. Там же. Л. 8.
63. Там же. Л. 5.
64. Там же.
65. Впрочем, в период «национальных» операций большинство «шпионских» дел китайцев рассматривалось во внесудебном порядке, не предполагавшем судебных разбирательств.
66. Там же. Л. 6.
67. Аналогичные проблемы испытывал и центральный аппарат НКВД, сотрудники которого не могли ответить на запросы китайского посольства о некоторых лицах из-за долгих задержек со стороны 8-го Отдела ГУГБ НКВД (АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 22. П. 191. Д. 30. Л. 8, 9). Руководители же управлений НКВД без санкции сверху могли отказаться сообщить дипагентам сведения об общем количестве арестованных (АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 22. П. 191. Д. 30. Л. 82).
68. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 21. П. 187. Д. 9. Л. 11.
69. АВП РФ. Ф. 09. Оп. 29. П. 121. Д. 24. Л. 20.
70. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 22. П. 190. Д. 16.
71. См., например, запись беседы помощника заведующего 2-м Восточным отделом М.С. Мицкевича и секретаря посольства Ген Куана (АВП РФ. Ф. 9. Оп. 29. П. 121. Д. 24. Л. 24–25).
72. Этот вопрос обсуждался в Москве между представителями НКВД и посольства Китая, основные решения, конечно, принимались в Кремле (см.: *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции... С. 262–263).
73. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 539.
74. Там же.
75. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 22. П. 191. Д. 30. Л. 29.
76. Там же. Л. 21.
77. Там же. Л. 29.
78. Как показывает Е. Чернолуцкая, помимо советских жен китайских граждан, которым распоряжение Ежова разрешало выезд с мужьями в Синьцзян после процедуры выхода из гражданства СССР, заявления о выходе также подали и как минимум 65 этнических китайцев и 7 китайнок. Было ли оно получено, не ясно. См.: *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции... С. 265–266.
79. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 22. П. 191. Д. 30. Л. 22.
80. АВП РФ. Ф. 5. Оп. 18. П. 145. Д. 98. Л. 70–71.
81. Там же.
82. ЦА ФСБ Д. 3. Оп. 5. Д. 40. Л. 291.
83. АВП РФ. Ф. 100. Оп. 28а. П. 147. Д. 1. Л. 33.
84. ЦА ФСБ Ф. 3. Оп. 5. Д. 45. Л. 54–55.
85. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 44. Л. 389.
86. См.: *Потапова Н.А.* Антикитайская акция НКВД СССР периода «большого террора» в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 3. С. 160.